

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Статья поступила в редакцию: 19.09.2026

Статья принята к публикации: 25.09.2026

Статья опубликована: 01.10.2026

УДК 34:004

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.144.10.23457

Эволюция правового статуса информационных технологий в Российской Федерации: от концепции к цифровой реальности

Васильева Полина Вячеславовна

магистрант кафедры

Теория и история государства и права, Донской государственный технический университет

Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону

E-mail: vaspolyach@yandex.ru

Артюхин Олег Александрович

канд. полит. наук, доц.

кафедры Теория и история государства и права, Донской государственный технический

университет

Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону

Evolution of the legal status of information technologies in the Russian Federation: from concept to digital reality

Vasilyeva Polina Vyacheslavovna

Master's student at the Department of Theory and History of State and Law, Don State Technical

University (DSTU)

Russia, Rostov-on-Don

Artyukhin Oleg Alexandrovich

candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of

State and Law

DSTU

Russia, Rostov-on-Don

Аннотация

Цель исследования – установить основные направления эволюции правового статуса информационных технологий в Российской Федерации и определить, каким образом переход от информационного общества к цифровой экономике изменил место технологии в механизме правового регулирования. Методология включает формально-юридический, системный, историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также функциональный

Библиографическое описание: Васильева П.В., Артюхин О.А. Эволюция правового статуса информационных технологий в Российской Федерации: от концепции к цифровой реальности // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2026. 10(144). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/23457>

анализ действующих нормативных конструкций. Установлено, что российская модель прошла несколько взаимосвязанных этапов: первоначальное закрепление информационных технологий как инструментов обработки и передачи информации; формирование инфраструктурного и стратегического подхода; признание юридически значимых цифровых объектов и действий внутри информационных систем; переход к адаптивному регулированию искусственного интеллекта и иных цифровых инноваций. Установлено, что современный правовой статус технологии не сводится к режиму технического средства: технология одновременно выступает средой реализации субъективных прав, элементом юридического факта, инфраструктурой публичного управления и фактором распределения регулятивных полномочий между государством и цифровыми платформами. Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития технологически нейтральных норм, сочетаемых со специальными режимами для высокорисковых технологий. Практическая значимость исследования состоит в формулировании критериев, позволяющих разграничивать случаи, когда право должно регулировать результат применения технологии, и ситуации, в которых необходимы требования к самой архитектуре цифровой системы.

Abstract

The purpose of the study is to identify the main directions in the evolution of the legal status of information technologies in the Russian Federation and to determine how the transition from the information society to the digital economy has changed the role of technology within the legal regulatory mechanism. The methodology combines formal legal, systemic, historical legal and comparative legal methods with a functional analysis of current regulatory structures. The study establishes that the Russian model has passed through several interconnected stages: the initial recognition of information technologies as tools for processing and transmitting information; the formation of an infrastructural and strategic approach; the recognition of legally significant digital objects and actions performed within information systems; and the transition toward adaptive regulation of artificial intelligence and other digital innovations. It is demonstrated that the current legal status of technology cannot be reduced to that of a technical instrument. Technology simultaneously serves as an environment for exercising subjective rights, an element of legally relevant facts, an infrastructure of public administration and a factor redistributing regulatory powers between the state and digital platforms. The study concludes that further development should combine technologically neutral rules with special regimes for high-risk technologies. Its practical significance lies in criteria for distinguishing regulation of technological outcomes from requirements imposed on digital system architecture itself.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровое право, цифровые права, искусственный интеллект, экспериментальный правовой режим, персональные данные, цифровая трансформация.

Keywords: information technologies, digital law, digital rights, artificial intelligence, experimental legal regime, personal data, digital transformation.

Введение

Правовое регулирование информационных технологий в России развивалось как последовательное усложнение юридических режимов. Базовая конструкция Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ определяет информационные технологии через процессы и методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации [9]. Тем самым исходная модель строилась вокруг технологии как средства работы с информацией. По мере цифровизации гражданского оборота и публичного управления предмет регулирования расширился, так, право стало учитывать информационную систему как среду, в которой совершаются юридически значимые действия.

Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы закрепила инфраструктурный подход, связав данные, сети и цифровые технологии с задачами общественного и экономического развития [6]. В.В. Архипов рассматривает интернет-право как специальную дисциплину, изучающую отношения различной отраслевой принадлежности, реализуемые посредством сети Интернет [1]. Эта позиция позволяет сформулировать рабочую гипотезу: цифровая среда не образует полностью изолированную сферу права, а изменяет способы возникновения и осуществления уже известных прав и обязанностей. Цель статьи – выявить этапы такой эволюции и определить критерии, при которых технология превращается из технического средства в юридически значимый элемент правоотношения.

Материалы и методы

Материал исследования составили нормы гражданского и информационного законодательства, стратегические акты в сфере информационного общества и искусственного интеллекта, а также научные работы. Ключевое значение имеют статья 141.1 ГК РФ о цифровых правах [4], Федеральные законы от 27.07.2006 № 149-ФЗ [9], от 27.07.2006 № 152-ФЗ [8] и от 31.07.2020 № 258-ФЗ об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций [10], а также Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 [7].

Формально-юридический метод применялся для установления содержания действующих норм, историко-правовой – для выявления изменения регулятивной функции технологии, системный – для сопоставления частноправовых и публично-правовых механизмов. Научные позиции использовались критически. И.Ю. Богдановская и соавторы обосновывают межотраслевой характер проблем искусственного интеллекта [2, с. 278], а Ю.С. Харитонов подчеркивает взаимодействие государственного регулирования, договорных правил платформ и «мягкого права» [11, с. 66]. На этой основе технология анализируется в четырех функциях: технического средства, юридической среды, инфраструктуры и объекта управления рисками.

Результаты и обсуждение

Первый результат состоит в переходе от инструментальной к функциональной модели. Закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ сохраняет технологически нейтральное определение информационных технологий [9], что делает общую норму устойчивой к смене конкретных программных решений. Однако в цифровом обороте система способна не только передавать информацию, но и определять допустимую форму действия, последовательность операций и момент юридического результата. Наиболее отчетливо это проявляется в статье 141.1 ГК РФ: осуществление и распоряжение цифровым правом происходят в информационной системе по установленным ею правилам [4]. Следовательно, архитектура системы становится частью механизма реализации субъективного права. А.А. Волос связывает цифровизацию с трансформацией принципов гражданского права [3]; представляется, что речь идет не об отказе от автономии воли и добросовестности, а о необходимости проверять, обеспечивает ли цифровая среда их реальное осуществление. Следовательно, юридическая значимость технологии определяется ее способностью программно влиять на возникновение, осуществление или прекращение прав и обязанностей.

Второй результат связан с формированием инфраструктурного и риск-ориентированного регулирования. Стратегия развития информационного общества рассматривает технологии во взаимосвязи с данными и информационной инфраструктурой [6]. А.К. Жарова выделяет правовое регулирование создания и использования такой инфраструктуры как самостоятельный пласт информационного права [5]. Одновременно Закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ устанавливает пределы обработки персональных данных [8], что приобретает особое значение для систем машинного обучения. Обновленная в 2024 году Национальная стратегия развития искусственного интеллекта ориентирует регулирование на развитие и внедрение доверенных технологий ИИ [7]. В результате право постепенно охватывает не только факт использования цифрового инструмента, но и условия доступа к данным, проектирования и эксплуатации системы.

Межотраслевой характер искусственного интеллекта, отмеченный И.Ю. Богдановской и соавторами [2, с. 278], не требует признания технологии самостоятельным субъектом права. Более последовательна модель распределенной ответственности, при которой обязанности закрепляются за разработчиком, владельцем, оператором или пользователем в зависимости от фактического контроля над риском. Дополнительным механизмом выступают экспериментальные правовые режимы по Федеральному закону от 31.07.2020 № 258-ФЗ [10]. Их значение состоит в возможности ограниченно апробировать цифровую или технологическую инновацию до распространения соответствующего решения. Таким образом, современная модель сочетает общие технологически нейтральные нормы, специальные требования и контролируемый правовой эксперимент.

Третий результат касается фактической нормативности цифровой архитектуры. Ю.С. Харитонов указывает, что операторы цифровых платформ способны устанавливать правила поведения для широкого круга пользователей [11, с. 66]. Программный код в таком случае не является нормативным актом, но фактически ограничивает набор доступных действий. Поэтому технологическая нейтральность законодательства не должна означать безразличие к устройству системы. Если цифровое решение влияет на идентификацию лица,

обработку персональных данных, содержание волеизъявления, доступ к праву или возможность обжалования автоматизированного решения, к его функционированию необходимы юридические требования.

Перспективным критерием является функциональная эквивалентность: цифровой способ взаимодействия допустим постольку, поскольку обеспечивает сопоставимый с нецифровым способом уровень информированности, доказуемости, безопасности и возможности защиты права. Поэтому, вывод состоит в том, что эволюция правового статуса информационных технологий выражается в переходе от регулирования операций с информацией к регулированию цифровой среды как институционального пространства, способного определять фактические пределы поведения участника.

Заключение

Правовой статус информационных технологий в Российской Федерации сформировался как многоуровневая конструкция. Общие нормы рассматривают технологию как способ работы с информацией; стратегические акты связывают ее с цифровой инфраструктурой; гражданское законодательство признает случаи, когда правила информационной системы непосредственно участвуют в осуществлении права; регулирование искусственного интеллекта, персональных данных и экспериментальных режимов формирует риск-ориентированный уровень.

Поэтому юридическая значимость технологии определяется не степенью технической новизны, а ее функцией в правоотношении. Если система лишь хранит или передает сведения, достаточны общие информационно-правовые требования. Если архитектура определяет юридически значимый выбор, доступ к праву, идентификацию, обращение цифрового объекта либо автоматизированное решение, необходимы дополнительные гарантии прозрачности, контроля и распределения ответственности. Поэтому дальнейшее развитие законодательства целесообразно строить на сочетании технологической нейтральности, специальных требований к повышенному риску и правового эксперимента. Такой подход позволяет сохранять устойчивость права, не допуская подмены юридических гарантий фактическими правилами цифровой системы.

Список литературы

1. Архипов В.В. Интернет-право: учебник для вузов / В.В. Архипов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 254 с.
2. Богдановская И.Ю., Васякина Е.В., Волос А.А., Данилов Н.А., Егорова Е.В., Калятин В.О., Карпенко О.И., Салихов Д.Р. Искусственный интеллект и право // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 17, № 4.
3. Волос А.А. Трансформация теории принципов гражданского права в современных условиях цифровизации общества: монография / А.А. Волос. – Москва: Проспект, 2024. – 184 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994-ФЗ: ред. от 10.06.2026. [Электронный ресурс]. – № 51. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.09.2026).

5. Жарова А.К. Информационное право. Правовое регулирование создания и использования информационной инфраструктуры: учебник для вузов / А.К. Жарова. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 300 с.
6. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс]. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201705100002> (дата обращения: 18.09.2026).
7. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019: ред. от 15.02.2024: вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – № 490. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 18.09.2026).
8. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006-ФЗ: ред. от 26.07.2026 [Электронный ресурс]. – № 152. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 18.09.2026).
9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006-ФЗ: ред. от 26.06.2026: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026 [Электронный ресурс]. – № 149. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 18.09.2026).
10. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020-ФЗ: ред. от 26.06.2026. [Электронный ресурс].. – № 258. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 18.09.2026).
11. Харитонов Ю.С. Автономия цифровых платформ генеративного искусственного интеллекта в регулировании отношений с пользователями // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 8 (165).

References

1. Arkhipov V.V. Internet Law: textbook for university students. – 2nd ed., revised and supplemented. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 254 P.
2. Bogdanovskaya I.Yu., Vasyakina E.V., Volos A.A., Danilov N.A., Egorova E.V., Kalyatin V.O., Karpenko O.I., Salikhov D.R. Artificial Intelligence and Law // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2024. – Vol. 17, No. 4.
3. Volos A.A. Transformation of the Theory of Civil Law Principles in the Modern Conditions of Society Digitalization: monograph. – Moscow: Prospekt, 2024. – 184 P.
4. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994-FZ: as amended on 10.06–2026. – No. 51. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: 18.09.2026).

5. Zharova A.K. Information Law. Legal Regulation of the Creation and Use of Information Infrastructure: textbook for university students. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 300 P.
6. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation dated 09.05.2017 No. 203 – URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201705100002> (accessed: 18.09.2026).
7. On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019: as amended on 15.02.2024: together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to – 2030. – No. 490. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (accessed: 18.09.2026).
8. On Personal Data: Federal Law dated 27.07.2006-FZ: as amended on 26.07 // Federal Law-FZ. – 2026. – No. 152 – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed: 18.09.2026).
9. On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law dated 27.07.2006-FZ: as amended on 26.06.2026: with amendments and supplements effective from 01.09 – No. 149. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed: 18.09.2026).
10. On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation: Federal Law dated 31.07.2020-FZ: as amended on 26.06– – 2026. – No. 258. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (accessed: 18.09.2026).
11. Kharitonova Yu.S. Autonomy of Generative Artificial Intelligence Digital Platforms in Regulating Relations with Users // Actual Problems of Russian Law. – 2024. – Vol. 19, No. 8 (165).